

Бондарчук Максим

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Снежный Ворон

Максим Бондарчук

Снежный ворон

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бондарчук М. С.

Снежный ворон / М. С. Бондарчук — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Описание последних лет жизни пилота боевого меха из Клана Снежного Ворона во вселенной BattleTech. Содержит нецензурную брань.

© Бондарчук М. С., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

В оформлении обложки использована фотография автора Никита Легенький с https://www.instagram.com/p/BVxKkULhaKD/?taken-by=by_leganica

Пролог.

«Его черный силуэт улетал все выше, оставляя рыцаря наедине с собой. Ворон не ведал страха, не знал, что такое боль, его крылья отталкивались от воздуха, невидимыми ступеньками, тянувшимися вверх, открывая дорогу в небеса, где души умерших находили свой последний приют. Минуты жизни уходили прочь, голос становился тише. Дыхание медленно превращалось в сип и сердце, ярким огнем горевшее в груди всего мгновение назад, затухало, превращаясь в истлевший уголек.

Не было отчаяния, не было жалости к самому себе. Осталось только мгновение, после которого все прежнее теряло свою ценность и открывало двери в новую жизнь.

Другую.

Она не закончилась и не началась после удара меча в грудь, не перестала быть прежней, когда кровь вытекала из образовавшейся раны. Она стала продолжением, логической нитью, окончание которой ознаменовало рождение и смерть одновременно.

Холод пронизывал его до костей. Метель не стихала который час и в укрытии теперь стало не безопасно. Странная вещь, когда чувствуешь ее дыхание, шаги неминуемой гибели, тихой сапой прокрадывавшейся со спины, внутри все будто замирает. Становится твердым и бесчувственным как лед. Как кусок гранита, как сталь, пережившая закалку и в огне кузнечной печи получившая новую жизнь.

Вера иссякла.

Окончательно.

Большие не терзали внутри сомнения. Демоны преисподней не напали из-за угла. Он верил, что теперь-то все закончилось, что прошли минуты страха и перед ним открылся настоящий образ врага. Сброшена вуаль – открыты образы. Рога неприятеля взметнулись перед его щитом и скрежет металла, сопротивлявшегося удару, осколками боли вонзился в его грудь.

Война бесконечности.

Мор невиданных масштабов охватил прибрежные города, заставив многотысячные поселения и королевские дворы на долгие месяцы закрыть свои врата для блуждающих путников.

Все это было лишь результатом, а причина скрывалась здесь. Прямо перед ним. Всего в каких-то десяти шагах, за огромной дверью, где хранился ключ от победы, до которого ему было не суждено дотянуться...»

1.

Когда все закончилось, тишина накрыла огромное пространство вокруг черного леса. Шумели лишь деревья, грузно вздымая тяжелые кроны к ночному небу, трещали охотившиеся неподалеку звери. Он слышал их шаги, чувствовал приближение нескольких крупных особей, но так и остался стоять неподвижно на месте, удерживая взгляд на последнем поверженном противнике. Страх не было, остались лишь отголоски прошедшей битвы. Боль стихла, а вместе с ней ушло и напряжение, тревогой кричавшее у него внутри.

Все кончилось.

Теперь окончательно.

Не будет больше крови, не будет ударов ногами и боли – всепронизывающей и всепоглощающей. Только тишина.

Не прошло и четырех часов как группа поредела до небольшой кучки оборванцев, оставшихся один на один с природой и голодными хищниками. А еще с собой. Со своими страхами. С мыслями о предстоящем. О том, что сегодня, здесь, будет суждено лишь одному выйти за ограничительную черту. Переступить красные флажки и победоносно вскинуть руки к небу, торжественно объявив о своей победе.

Случайность ли, но после всего произошедшего, вкус триумфа оказался слишком горьким, чтобы смаковать его до самого утра. Сладость испарилась с первыми звуками подлетающего грузовика. Он пронесился над густым лесом, подсвечивая прожекторами отдельные участки местности, надеясь обнаружить кого-нибудь из выживших, но не найдя беглецов, убрался прочь, махнув на прощанье своим металлическим крылом.

Скоро будет зачистка.

Мысль пролетела в его голове, как пуля, застряв где-то в глубине. Обычная процедура грозила закончиться гибелью, если он, собрав остатки своих сил в кулак, не сможет добраться до выхода.

Лес мелькал вокруг единым фронтом. Не было ориентиров, меток, даже указатели, предварительно расставленные перед боем, давно потерялись в чернеющей глуши непроходимой чащи, куда каждый из последних выживших мчался сломя голову на свой последний бой.

Он бежал изо всех сил, подталкиваемый страхом перед смертью. Всего каких-то шестнадцать лет, а ему казалось, что он прожил целую вечность и седая борода вот-вот спадет на пол, запутавшись в ногах. Страх и ненависть – вот, что сейчас владело им. Они давали силы, заставляли двигаться вперед, несясь сквозь плотную занавесу веток, навстречу чащобе, где в темноте глубокой ночи едва не рухнул на землю, споткнувшись о корягу, тянувшую свои костлявые пальцы на поверхность.

Время поджимало. Скоро ворота закроются и путь назад будет отрезан. Ему – последнему из выживших, своими руками добывшему победу над остальными, нельзя было умирать вот такой вот смертью. Ни в коем случае! Еще можно было добежать. Добраться до проклятых ворот, где сейчас, собрав тела убитых и тех, кто не смог преодолеть «первичный барьер», его ждали люди.

Прыжок.

Ускорение.

Еще немного. Совсем чуть-чуть. Каких-то пара сотен метров по пересеченной местности и вот он яркий ослепляющий луч охранного прожектора. Он выбрался! Совершил невозможное! Никто не ждал такого исхода. Голоса людей заполнили его разум, когда от бессилья ноги подкосились и он рухнул на землю, распластавшись у колес патрульного багги.

Кто-то запросил помощь – появился штатный медик. Осмотр. Данные. Показания. Давление в норме. Сердце в норме. Несколько ушибов. Есть подозрение на перелом двух ребер – итог последней схватки. Это был жаркий бой. Животный. Почти инстинктивно каждый из них дрался за победу, как за кусок мяса, нанося противнику повреждения, приводившие к печальным последствиям. Но он выжил. Дал свой последний бой и вышел победителем.

Несколько человек подняли его на руки и понесли на яркий свет. В ушах гремел рев моторов. Лесная тишина сменилась шумом работающих машин. Вот оно... Свет усилился – ему стало больно смотреть. Кто-то доложил о случившемся.

– Он выжил, товарищ капитан. Да. Последний. Больше никого не обнаружили. Так точно. Понял вас. Ждем еще пятнадцать минут и начинаем зачистку.

23:45 по местному времени.

– Говорите все как есть, доктор, не скрывайте.

Капитан, мужчина средних лет с черными, почти как у цыгана, волосами и прямым взглядом, сокрытым за очками-хамелеонами, стоял у дверей в медицинский корпус, привычно скрестив руки за спиной. Заглядывая в полупрозрачное окно, откуда мужчина видел всего лишь половину медицинской палаты, он одновременно не спускал глаз с престарелого доктора, записывавшего в виртуальный блокнот показания приборов, закрепленных на теле испытуемого и выводивших все сведения на дополнительный дисплей.

– Мальчик будет жить.

– Что насчет физических данных?

– Все в норме, несмотря на переломы ребер и несколько ушибов, но все это поправимо.

– Он победил всех?

– Судя по всему, да, – доктор продолжал отвечать, не поднимая головы от блокнота. – Мы обнаружили останки всей группы за исключением двух человек. – на секунду доктор замолчал. – Поиски продолжились и после зачистки, поэтому велика вероятность, что вскоре найдутся и они.

Но капитан не испытывал ко всему этому большого интереса. Все его внимание теперь было сконцентрировано на нем – мальчугане шестнадцати лет, прошедшего все «рубежи» и к удивлению многих вышедшего из той мясорубки победителем.

Что-то во всем этом было странно. Он еще раз окинул взглядом закрытое медицинское помещение, где сейчас над телом мальчишки колдовали два роботизированных механизма, стоявших немymi стражами у его кровати, после чего отошел от двери, направившись чуть дальше по коридору, где в свете подвесных ламп кабина лифта блестела серебристым цветом.

– Что мы будем докладывать «на верх», Виктор? У нас один едва дышащий сопляк.

– Подождем еще пару дней, – ответил капитан второму офицеру, – Когда его залатают окончательно, тогда и будем говорить.

В своем кабинете он пробыл до самого утра. Не спалось. Хотелось только курить. По старой привычке он всегда ложился в десять вечера и поднимался в четыре утра. Даже когда ничего не предвещало беды, его внутренние часы работали исправно. Но в этот раз механизм нарушился. Все будто изменилось в одночасье, заставив часовую стрелку невидимых часов остановиться, не позволив сну накрыть его и свалить на койку. Время тянулось очень долго, иногда как будто бы издеваясь над ним. Он смотрел в единственное окно в кабинете, окидывая взглядом полигон, на котором проходили испытания и сразу вспоминал себя.

Дежа вю, а может просто старые воспоминания.

Яркие вспышки на горизонте, блуждающий луч прожектора, скользившего по черной земле полигона, стрельба одинокими хлопками... Он никогда не закрывал окна на полную герметичность, все время ожидая вражеского удара. А вдруг произойдет внезапная атака и он ее не услышит? Вдруг кто-то прорвется за периметр и откроет огонь по часовым, но звуки выстрелов так и останутся там, с другой стороны. Что тогда? Конец? Его убьют до того как он успеет оказать сопротивление... Нет, не такой он хотел смерти для себя. Слишком позорно. И хоть потенциальный враг был очень далеко, в десятках парсеках от планеты-полигона, он не мог спать спокойно с закрытым окном, все еще помня, чем это закончилось в прошлый раз.

В кабинет постучали и сразу вошли. Двое офицеров в сопровождении «технаря» – небольшого робота размером с яблоко, шагнули в его сторону. Неловкая пауза и вскоре один из них разразился докладом по вчерашнему испытанию.

– Мы нашли останки тел двух пропавших.

– Опустили?

– Так точно. Это они.

– Причина смерти?

– Один умер от огнестрельного ранения, у второго перелом шейных позвонков.

Виктор развернулся к говорившим, сделал несколько шагов им навстречу, забрав из рук вытянутую папку с документами, после чего вернулся обратно за стол.

– Вы неважно выглядите, товарищ капитан, – заявил один из них.

– Где их личные дела? – не обращая внимания на замечание, продолжил говорить Виктор. – Мне сказали, что их передадут сегодня утром.

– Скоро все должно быть у вас в компьютере. Включите, наверняка все уже готово.

Офицер сел за стол, нажал на кнопку и в воздухе тут же заиграли многочисленные лучи виртуальной панели. Они привычно искажались, словно бились в истерику, блестели причудливыми оттенками, но через некоторое время остановились, замерев на месте, сформировав собой широкий дисплей на котором тут же высветились символы поступившего на обработку документа.

– Ну вот, – улыбаясь сказал вошедший офицер, – я же говорил, что все будет уже готово.

– У вас что-нибудь еще?

– Командование на Гинзуре требует немедленный отчет. Они хотят знать на что им рассчитывать.

Виктор на секунду замолчал. Вспоминая молодого мальчугана в медицинском блоке, он почему-то решил ответить немного не так как хотел, хотя и понимал, что это может иметь последствия.

– Скажи, что у нас есть кое-кто, кто подойдет им.

– Вы о том парне из последней группы? Но ведь он едва живой.

– Просто передай что я тебе сказал.

Голос его стал грубым. Гости вышли из кабинета, закрыв за собой дверь, и теперь он остался один, глубоко вдохнув, словно вынырнув на поверхность после долгого погружения. Голова слегка разболелась. Это все из-за сигарет, говорил он себе, вынимая очередную из полумятой упаковки.

Мальчуган.

Этот маленький паренек, который едва стал понимать, что такое жизнь, должен был в скором времени начать лишать жизни других. И он обязан научить его этому. Раньше ему было плевать. Работа. Служба. Все шло по накатанной, как локомотив по рельсам. Он знал, что его ждет в будущем, понимал какие дела и испытания встретятся ему на пути. Видел десятки, может быть сотни таких же детей, из которых буквально с пеленок делали убийц, закрывая пробелы клана после очередного боя. Он знал это не понаслышке, а потому что сам прошел давным-давно через это.

Здесь мало что изменилось с того времени, разве что почва стала более твердой и лица людей все больше покрывались морщинами при виде скатывавшегося за горизонт алого солнца. Лес стал гуще, плотнее. Крики умирающих уже не были слышны так громко, а звуки выстрелов не мешали спать. Каждый раз он всматривался в эти плотные ряды вытянутых деревьев и думал над тем, что ведь когда-то и он мог остаться там. Сколько их было? Двадцать четыре. Все мужчины. Девочек не было – это запрещалось. Шестнадцатилетние. Постаревшие, с глазами уставших стариков, проживших жизнь и давно потерявших вкус к этому миру, они бежали, как загнанные звери в самый центр, чтобы там, в окружении лающих псов и звуков сирен принять свой последний бой.

– Прошу прощения, товарищ капитан, разрешите войти?

Доктор стоял в дверях, робко прижимая к груди свой виртуальный блокнот.

– Конечно. Проходите.

– У меня новости по нашему последнему... ну тому, что...

– Я вас понял. Говорите.

Док сел на рядом стоящее кресло и начал быстро тараторить, пропуская через свой язык десятки сложных медицинских терминов, после чего остановился на самом главном.

– Увы, товарищ капитан, но случилась заминка. Вряд ли он будет годен в механизированный отряд.

– Что значит вряд ли? Еще вчера вы говорили, что физические данные в норме.

– Так-то оно так, но полная диагностика выявила наличие определенных повреждений, которые требуют более длительного медицинского ухода.

– Тогда что вы тут делаете? Занимайтесь этим!

Виктор стал злиться.

– Мы предпринимаем все усилия. Но вы так же должны знать, что подобное не может остаться без внимания. Мне придется доложить обо всем вышестоящему начальству.

– Делайте что хотите.

Виктор махнул рукой и попросил оставить его одного. Доктор покинул помещение, напоследок заявив, что подумает над словами офицера, потом закрыл за собой дверь и еще долго стоял возле нее, как будто бы подслушивая чей-то разговор.

Квартал подходил к концу. Три месяца тренировок и контрольного испытания полностью завершены, и результат оказался намного хуже, чем в прошлый раз. С каждым разом ему казалось, что все катится коту под хвост. Дети умирали несмотря на все его попытки выдрессировать каждого как настоящего воина. Умирали глупо, где-то бездарно, где-то и вовсе от случайности, шальной пули. Многие насмеялись над ним, ведь только его подопечные несли самые большие потери, в то время как остальные офицеры клана исправно подготавливали по несколько десятков хороших солдат для пилотирования боевых машин. Назревал скандал и увольнение было не таким уж и призрачным как раньше. Спасали его только заслуги прошлого. Того старого, уже покрывшегося пылью и легендами прошлого, где он, вместе с «соколиной стаей» сминали всех врагов на пути к победе... Но то время ушло. Как и каждому воину, ему предстояло рано или поздно уйти на пенсию. Стать запасной деталью в огромном механизме военной машины, подготавливая новое поколение пилотов.

– Что произошло, Виктор, – спрашивал его друг, – ты потерял хватку? Устал?

– Не знаю.

– Тебе стоит уйти на заслуженный отдых, старик. Терпение руководства не вечно, все может повернуться против тебя в любой момент. Лучше уйти с фанфарами, пока есть такая возможность, чем быть с позором вышвырнутым и остаться презируемым даже собственными солдатами.

– Я не уйду.

– С ума сошел!

– Ты слышал, что я сказал. Я не уйду. Мне нужно еще кое-что сделать.

– Угробить очередную группу?

– Не язви, – огрызнулся Виктор, – ты не хуже меня знаешь, что кроме этого места я никому и нигде не нужен. Я не существую в другом месте. Мне до сих пор сняться сны, как я сижу в кресле пилота, за штурвалом «Громовержца».

– Время ушло, Виктор. Мы свое отвоевали. Тридцать лет огня и стали бок о бок с воинами клана. Куда уж больше? Мне тоже сняться сны, но они другие. Страшные. Мы выработали свой ресурс, старик. Мы – металлолом. Обгоревший, покрывшийся ржавчиной. Для нас эпоха подвигов и победоносных марш-бросков давно ушла. Смирись, тебе станет легче. Я так и поступил.

– Ты может и да, но я – нет. Есть еще кое-что, к чему мне нужно приложить руку.

И он знал, что ему предстоит сделать. Время еще не упущено, еще есть шанс все исправить.

На следующий день его вызвали с докладом в штаб. Рядом стояли инструктора из параллельных групп, ехидно поглядывая на своего коллегу, предвкушая разнос по всем фронтам.

Да и сам Виктор прекрасно понимал, что этот доклад может стать последним в его военной карьере и подведет черту под многолетними неудачами на этом поприще. Прозвучал гонг – на трибуну вошли высшие офицеры в сопровождении охраны, неся штандарты Клана, склонив головы. Все протокольные условности соблюдались с невероятной точностью даже если это и было излишним.

Потом тишина. Когда все уселись, стоять остались только инструкторы Клана.

– Что ж, – сказал один из старших офицеров с блестящей зальсиной. – У нас не так много времени, как хотелось бы, поэтому начнем сразу, без прелюдий.

Двое других согласились и приступили к делу.

На трибуну напротив вызывали по одному из каждой группы. Докладу каждого отводилось не больше десяти минут, учитывая то, сколько инструкторов было сейчас в штабе, быстро все это не могло закончиться. Его же, как чувствовал Виктор, оставили на закуску.

Один за одним молодые и не очень инструкторы подходили к предоставленному месту и начинали говорить. Час, другой. Все тянулось слишком долго. Обеденное время давно осталось позади и солнце системы медленно, но верно скатывалось за тусклый горизонт, откуда в это время налетала песчаная буря. Это удивительное явление на планете-полигоне всегда заставляло его всматриваться вдаль, желая увидеть как формируется стена песка, а потом набрасывается на казармы, поглощая в себе все постройки тренировочного лагеря. Но и в этот раз ему было не суждено разглядеть зарождение стихии.

Услышав свое имя, Виктор вышел вперед, держа в правой руке доклад и отдельную папку с личным делом единственного выжившего.

– Шило Виктор Вячеславович... я правильно произнес имя?

– Так точно.

Один из офицеров, сидевших на трибуне, уставшим взглядом остановился на нем.

– Ну что ж, капитан Шило, так это вы?

– Что значит я?

– Нам доложили о ваших успехах, если можно так сказать. Но прежде чем приступить к главному, все же хочу услышать ваш доклад.

Виктор встал плотнее к трибуне, положил на деревянную поверхность и раскрыл папку с личным делом. Доклад не читал – он знал его наизусть. Все обычно и неинтересно. Такие ему приходилось зачитывать сотни раз, если не больше, что толку повторять все сначала.

– Подготовительный квартал пройден, – в горле все пересохло. Сейчас нужно было сказать «успешно», но в его случае говорить так было нельзя. Он слегка помялся, стараясь держаться твердо, но предательская дрожь в руках не давала ему покоя. – Я провел с новобранцами все необходимые тренировки, учебные занятия по тактике, рукопашному бою, выездные стрельбы. Все, за исключением нескольких, сдали нормативы на «отлично».

– Это мы все знаем, товарищ капитан, – перебил его главный из трех высших офицеров, – но «отлично» вылилось в горы трупов и уже не первый раз. За последние несколько лет вы смогли подготовить только двенадцать человек, в то время как ваши коллеги из смежных групп почти три сотни. Вам не кажется, что разница слегка не в вашу пользу.

За спиной послышался легкий смешок. Виктор кипел от ярости. Будь они сейчас где-нибудь в другом месте, он мог бы развернуться и с легкостью свернуть шеи всем тем, кто смел смеяться над ним. Они боялись его, знали, что никто из них не мог даже близко сравниться с ним, но сдержался, ведь именно этого срыва сейчас ждали его недоброжелатели.

– Вам есть что сказать? – повторился вопрос с трибуны.

– Последнее время качество новобранцев стремительно падает...

– Послушайте, капитан, легко винить кого-то другого в своих промахах, но в вашем случае это выглядит слегка странно.

Один из высших офицеров открыл лежавшую перед ним папку, пролистал несколько страниц и остановился в самой середине.

– Шило Виктор Вячеславович. Гвардии капитан. Боевой офицер. Пилот «Громовержца». Дважды ранен под Шоггурдом. Служил в 59 отдельной механизированной группе в Нафрине. Неполный кавалер ордена Славы. «... проявил доблесть и отвагу в битве за ущелье Саргун, где грамотными действиями помог «соколиной стае» удержать позиции и не дать звену Бешеных Псов прорваться в тыл основных сил Клана». – затем закрыл личное дело капитана и продолжил уже немного издевательским тоном. – Слишком много похвалы для такой детской отговорки. Мы о вас навели справки в Главном Управлении и были сильно удивлены как у такого опытного офицера такие детские ошибки.

– Я не хочу оправдываться.

– Никто вас и не просит. Дьявол кроется в деталях. Дети гибнут; наши будущие воины не проходят контрольных испытаний в вашей группе. Смертность просто зашкаливает. Из двадцати с лишним в последней группе едва выжил только один, и тот должен пробыть в медблоке приличное время, потеряв драгоценные дни для освоения боевой техники.

– Моей вины здесь нет.

– Ошибаетесь, товарищ капитан. Если на ком и лежит вина за все случившееся, то только на вас. Как вы это не понимаете?

Он понимал. Прекрасно. Гораздо лучше, чем кто-либо из присутствующих, просто не хотел этого говорить на публике.

– Совет хочет поднять вопрос о вашей демобилизации. Только награды и регалии все еще спасают вас от незавидного и бесславного конца.

– Я понимаю, – Виктор тихо произнес эту фразу, буквально выдавив ее из своей груди. – Дайте мне шанс.

– Что, простите.

– Шанс. Всего один. Я подготовлю вам первоклассных бойцов.

– Время упущено, капитан. Командование готовит полномасштабное наступление. Укомплектовываются последние роботизированные звенья – вам просто не хватит времени для подготовки.

Потом наступила тишина. Виктор вслушивался в нее, ловя мельчайшие звуки, стараясь не пропустить ни единого слова из разговора шептавшихся между собой офицеров. Каждый из них время от времени поглядывал в его сторону. Капитан стоял прямо – не хотел показывать своего недовольства всем вышесказанным, но в душе понимал, что именно сейчас решается его судьба.

Затем один из трех высших офицеров поднялся на ноги. Его лицо не выражало никаких эмоций. Такие он видел разве что у палачей и судей, выносивших свои приговоры подсудимым.

– Приняв во внимание все ваши заслуги, капитан, мы все же не можем нарушить приказ командования клана и оттянуть сроки пополнения резервов – это не в нашей компетенции. К счастью или к сожалению, но вам придется забыть о будущей работе инструктором. После того как наш Клан вернет потерянные территории, мы будем вынуждены распрощаться с вами, капитан. Вопрос о внесении ваших генов в священный пул так же будет рассмотрен отдельной коллегией в соответствующем порядке.

2.

«... он улетал. И черный взмах крыла покрыл собою небеса.»

Проснувшись, он мало что помнил, ну разве что последние секунды того самого вечера, где он, вопреки всему, выжил и стал первым.

В груди немного покалывало. Было тяжело дышать. Дотронувшись свободной рукой до источника боли, он наткнулся на плотную перевязку. Теперь все стало ясно – удар соперника

все же сломал несколько ребер, хотя в тот момент, когда он мчался со всех ног, боль не давала о себе знать. Однако сейчас это вряд ли могло оправдать того состояния в котором он находился все это время.

Комната больно блестела. Лампы дневного света горели так ярко, что свет от них резал глаза, словно стеклом. Понадобилось время, чтобы привыкнуть, но к тому времени его уже осматривал один из вошедших врачей. Худошавый дядька средних лет, одетый в длинный белый халат, распахнутый на все пуговицы, он молча изучал показания приборов, подключенных к его телу.

– Долго я здесь? – спросил мальчуган, глядя на доктора.

Тот ничего не ответил. Даже не соизволил посмотреть на него, отвернувшись и подойдя к единственному столу в медблоке. На нем лежали инструменты, парочка шприцов и еще какие-то мелочи, разглядеть которые было невозможно.

– Я прошел испытание, правда? Я сделал все, что от меня требовалось.

Опять молчание.

Это злило парня и он решил во что бы то ни стало вытянуть хотя бы несколько слов из этого человека.

– Да скажите же мне что-нибудь!

Потом завелся кашлем. Боль от каждого напряженного выдоха, жарким огнем распространялась по всему телу. Грудная клетка вздулась и была готова взорваться от такого. Док, наконец, обернулся. Его равнодушный взгляд упал на бледное лицо парня, после чего тело развернулось и так же равнодушно подошло к нему.

– Помолчи.

– Мне кто-нибудь скажет, что произошло?

– Скажут, – холодно ответил док. – Но не сейчас. – потом наклонился над ним и стал светить фонариком в глаза. – Кто был последним с кем ты встретился?

– Я... я не помню. Было темно. Мы наткнулись друг на друга внезапно. Потом схватка.

– Он ударил тебя чем-то тяжелым?

– Нет. Почему вы так решили?

– Ребра, – док указал пальцем на бинты. – Сломали так, будто били чем-то очень тяжелым.

– Это были его ноги. Набойки на носках армейской обуви. Я не успел среагировать и отбить удар. Было больно.

Доктор выпрямился. Результаты обследования явно не радовали его, но приказ капитана «...поднять его на ноги» не давали ему расслабиться. Сейчас он думал как бы сделать все быстро и успеть к концу недели.

– Расскажи все, что помнишь. Это поможет мне вернуть тебя в строй.

– Если я сделаю это меня зачислять в боевой корпус?

Доктор усмехнулся. На бледно-мертвом лице заиграла улыбка.

– А что еще ты хочешь?

– Хочу поскорее попасть в настоящую учебку. Своими глазами посмотреть на машины, сесть за штурвал «Громовержца», может даже увидеть «Карателя».

– Вот как? – врач удивленно развел руками, где уже дымилась сигарета. – Кто знает, может в самом скором будущем так оно и произойдет.

– Я победил, – продолжал говорить парень, – Я выжил, оставил позади всех своих соперников. Разве по правилам меня не должны отправить на мехбазу.

– Всею свое время, парень. Не торопи события.

Затем прозвучал короткий гул. Доктор сжал губами желтый фильтр сигареты и подошел к виртуальной связной панели, где спустя секунду появилось изображение капитана.

– Он еще очень слаб. – говорил доктор.

– Как долго это продлится? Я же просил сделать все с максимальной скоростью.

– Я не волшебник, Виктор. Мои возможности тоже ограничены. Он же, черт возьми, еще ребенок!

– Этот ребенок несколько дней назад убивал подобных себе.

Доктор обернулся, чтобы посмотреть на лежавшего мальчугана, и до сих пор не мог поверить как такой худенький, почти лишенный плотной мускулатуры, парень был способен хладнокровно убивать своих одногодок. Затем вернулся к разговору с капитаном.

– Что ты от меня хочешь?

– Поставь его на ноги.

– Я работаю над этим.

– Работай больше.

– Все что в моих силах, капитан.

– Докладывай мне о его самочувствии каждые четыре часа. Даже ночью. Я обязан знать, когда он сможет продолжить тренировки.

– Дело твое, Виктор. – доктор согласно поднял руки и отключил связь.

– Это было наш инструктор?

Парень постарался приподняться на локтях, чтобы посмотреть доктору в глаза, но попытка оказалась безуспешной.

– Да, – коротко ответил док. – тот еще сукин сын.

– Почему вы так говорите о нем?

– Я не одинок в таком мнении, мальчик.

Потом док еще раз подошел к больничной кровати, проверил все приборы и быстро ушел, заперев за собой дверь. Роботы приступили к своей работе, повторно проводя диагностику и вводя все необходимые препараты через силиконовые медицинские трубки. Жидкость алого цвета медленно ползла по прозрачным тоннелям, все больше напоминая кровь, сочившуюся из открытой раны.

Вскоре она попала в его вены и приятным теплом разлилась по всему организму. Парень погрузился в сон. Не в силах сопротивляться, его сознание утонуло в накрывающей власти Морфея, все сильнее погружаясь в сновидения и воспоминания прошлого.

3.

Дул холодный, почти ледяной ветер. Солнце уже давно миновало ту границу, за которой теплое прикосновение лучей больше напоминает издевку – они не грели, скорее просто скользили по поверхности полигона, напоследок давая увидеть черную лесополосу чуть дальше на севере, куда им всем предстоит двигаться, чтобы схлестнуться со смежной группой офицера Малковича.

– Тебе страшно, Макс, – спросил смуглый парень. – Тебя всего трясет.

– Это все погода, – коротко ответил паренек, – ну и адреналин. Со мной все в порядке.

– Конечно. Посмотрим кому сегодня повезет.

Ветер хлестко ударил его по лицу, после чего взметнулся вверх и полетел в сторону, унося за собой поднятую пыль и маленькие частички песка, образуя небольшие завихрения. Близился закат, а с ним и начало последнего, контрольного испытания. Макс долго ждал этого момента, еще со времен школьной четырехлетки, когда он впервые услышал о них. Тогда это казалось чем-то удивительным, прекрасным, похожим на подвиг Геракла или Ахиллеса. Все только и делали, что говорили об этом. Даже педагоги, работавшие с ним и проводившие почти все свое время с его сверстниками, часто упоминали испытания, как одну из важнейших вех в жизни каждого из них.

– Готовность пятнадцать минут!

Инструктор вышел вперед, ловко выпрыгнув из подъехавшего БТРа, напоминая кузнечика-переростка с оскалившимися во все стороны пулеметами, после чего, встал напротив, окинув взглядом всех своих подопечных. Молча проследил за бежавшей вдалеке черной точкой, гнавшей на всей скорости к противоположному краю черного леса, и закурил. Группа Малковича шла второй и должна была начать свой путь с небольшим преимуществом, заходя с более пологой местности, что несомненно было хорошим плюсом, но капитан почему-то проигнорировал это, хотя каждому из шестнадцатилетних мальчуганов, прошедших курс лекций и занятий по тактике и ориентированию, было четко понятно к каким последствиям это может привести во время испытания.

– Почему он все время молчит? – спросил кто-то сзади.

Макс не повернулся, хотя и узнал голос своего друга Сэма. Он был приемным в своей семье, что слегка сказывалось на его отношении к сверстникам, любившим подтрунивать его каждый раз, едва завидев. Родители не смогли найти ему место среди своих, клеймо «вольняги» дамокловым мечом висело над ним все время, и после очередной драки, чуть было не закончившейся смертью, его приняли в группу.

– Он всегда молчит. Только на лекциях иногда говорит. Хотя я сам не понимаю зачем нам нужны все эти инструкторы? Данные, информация, сведения об оружии – все есть в базе компьютера. На кой черт...

– Тихо! – перебил его кто-то другой.

Капитан повернулся к своей группе. Точка вдалеке окончательно слилась с линией лесного массива и была вне зоны видимости боевого офицера. Солнце окончательно рухнуло за горизонт, оставив небу кроваво-алый след.

– Мама всегда пугала меня закатом. Говорила так умирает солнце.

– Сказки, – ответил Сэм и тут же встретился со взглядом капитана, шагавшего прямо к нему. Его глаза скрывались за очками-хамелеонами, но мальчуган кожей ощущал этот прямой, холодный и безжалостный взгляд даже сквозь черные стекла. Остановившись всего в шаге от него, Сэм напряг мышцы пресса, готовясь к удару, как вдруг в воздухе, прямо над головами, пронеслись несколько штурмовых истребителей «Визигот». Вытянутая тень быстро проползла по почве полигона, после чего железные пташки, немного набрав высоту, ушли на второй круг. Все сконцентрировали внимание на боевых машинах, на мгновение забыв о предстоящей схватке с противоположной группой. Истребители разрезали мрачное небо, то поднимаясь высоко вверх, то камнем падая вниз, уходя в бреющий полет, держась от земли в каких-то двадцати метрах.

– Слушай мою команду! – скомандовал инструктор, возвращаясь дальше на пустырь, где его было лучше видно каждому из подопечных. – Сегодня ваши контрольные испытания. Вам предстоит встретиться с группой Малковича. Все, что вам требуется знать перед схваткой – не оставляйте фланги пустыми. Для будущего пилота боевого меха – это жизненно важное правило. Всегда держите противника перед собой, только так вы сможете максимально повысить свои шансы на победу. Если он зашел вам с фланга – смерть, если зашел с тыла – смерть гарантированная. Не забывайте этого!

Ветер на полигоне стал усиливаться. Песок резал глаза, небо постепенно закрывали тучи. Кто-то передал по рации капитану о готовности группы Малковича, и когда последние слова были сказаны, инструктор выстрелил сигнальной ракетой в воздух, дав старт самому важному испытанию в жизни мальчишек.

Группа ринулась вперед, рассыпавшись, как горох, по всей ширине дороги, быстро удаляясь от места сбора. Макс бежал чуть позади, стараясь экономить силы. Схватка с группой Малковича могла затянуться и его детский разум, еще не совсем понимающий, что его ждет впереди, начинал представлять внутри себя бой с одним из соперников. Ему казалось, что все

закончится быстро. Наверное, он не сможет даже и заметить, как вокруг никого не останется, а сам он, глубоко выдохнув, окажется последним выжившим.

Впереди замаячили первые элементы полосы препятствий. Несколько высоких заборов не представляли особой проблемы для него и Макс смело ускорился для прыжка. Два мальчугана, бежавших впереди всех, перемахнули через грубо сколоченные доски, плюхнувшись в топкую жижу, и тут же встретились с искрившейся лавиной пуль, полетевших откуда-то из сокрытых дотов. Пулемет застрекотал с такой силой, что некоторым показалось будто огонь вела целая рота, прятавшаяся в глубине перекопанной полосы препятствий, замаскировавшись в складках местности. Один из парней закричал. Алая кровь хлынула из пробитой груди и хрупкое тельце, не выдержав встречи с маленькой свинцовой смертью, облокотилось на край деревянной доски. Перед глазами все поплыло. Детские крики смешались со стрекотом пулемета, образовав неразборчивое месиво из звуков, за которым никто ничего не мог разобрать. Потом выстрелы прекратились. Группа упала в грязь, стараясь проползти под пулеметным огнем как можно ближе к окопу, а затем канатной лестнице, по которой им всем предстояло пройти дальше к лесу. Макс оглянулся. Сердце бешено стучало в груди. Еще никогда в своей жизни он не чувствовал, чтобы оно так сильно колотилось внутри него. Вены на висках набухли, словно почки на деревьях весной. Он ощущал каждый удар, каждую пульсацию, отдававшейся в его ушах ударами чжаньгу, но продолжал лежать, утопая почти полностью в неприятной черной жиже. Затем он увидел одного из раненых. Его тело повисло на краю деревянного препятствия, а из раны хлестала кровь. На маленьком теле все было алым от этого, а сама рана зияла огромной дырой, предвещавшей скорую и бесславную гибель.

– Пойдем! – крикнул Сэм, подтягивая Макса за шкуру, – пойдем тебе говорю!

Несколько десятков метров, почти вплотную к земле, вся группа ползла по пластунски, чуть ли ртом не глотая грязь и цепляя головой висевшую колючую проволоку. Неподалеку ожил пулеметный расчет. На этот раз били откуда-то сбоку, не давая шанса поднять голову. Близился конец грязевого этапа и вскоре им предстояло подняться по канатной лестнице. Но те, кто дополз к назначенному месту, не спешили выпрямляться – огонь велся уже с двух точек.

– Вставай! – кричал смуглый паренек на своего друга, лежавшего впереди и не дававшего остальным протиснуться вперед. – Долго думаешь тут торчать!?

Над головами свистели пули. Несколько пареньков, отважившихся встать, тут же упали обратно в грязь; кто-то закричал во все горло и заплакал. Кровь и осколки костей черепной коробки разбросало во все стороны. Тело обмякло и погрузилось в грязь, больше неспособное подняться. Стрельба опять прекратилась. Воспользовавшись моментом, смуглый парень рванул вперед, вцепившись своими маленькими руками в толстые канаты, принявшись карабкаться на самый верх. Руки скользили, повсюду в бетонной стене виднелись пулевые отверстия и сил едва хватало, чтобы удержаться на такой высоте и не упасть вниз. За ним последовали и остальные. Макс шел четвертым, но все равно чувствовал жуткий страх внутри себя. Он подгонял его, заставляя то и дело ступать мимо веревочной лестницы. Пару раз это могло стоить ему жизни, но в последний момент ему все же удавалось ухватиться за канат, подтянувшись вверх и закрепившись уже обеими ногами.

На верху стало немного легче. С такой высоты он мог увидеть насколько огромной была полоса препятствий и как многого им не рассказывал на лекциях инструктор. Длинной почти в километр, она расширялась в нескольких местах, после чего сужалась, как сопло, вытягиваясь в длинную кишку, по обеим сторонам которой, будто прыщи, торчали бетонные пулеметные точки.

Сэм подтолкнул его вперед, ближе к тросу. Последние парни из его группы поднимались на верх, все в грязи, чумазые, словно шахтеры из забоя. Каждого трясло от холода. Ветер безжалостно обдувал мокрые тела, заставляя мышцы мальчуганов непроизвольно сокращаться, чтобы сохранить внутри себя живительное тепло. Солнце уже давно было за горизонтом. В

свои права вступала госпожа ночь, а вместе с ней и та температура, опускавшаяся чуть ли не до пяти градусов выше нуля. Нужно было спешить. Этот вывод читался в глазах каждого, кто сейчас стоял на бетонной верхушке у троса, ожидая своей очереди спуститься вниз. Но там их ждало еще больше проблем и трудностей. Грязь не сразу, но высохла, превратив одежду в полутвердый панцирь, от которого бежать было уже не так легко. Кто-то даже обмолвился, что едва ли эту жижу можно было назвать обычной смесью песка и воды, в ней было что-то еще, что и превратило одежду в непригодное затвердевшее тряпье.

До черного леса было еще очень далеко. Группа поредела.

Остановившись возле разрушенного здания, Макс посмотрел вокруг себя, заметив, что очень многие, в том числе и он сам, были далеко друг от друга, рассредоточившись на большой территории почти на всю ширину полосы препятствий.

Дальнейшее продвижение теперь целиком и полностью было в его руках. Никто не мешал, не подталкивал в спину, не кричал. Сердце понемногу успокоилось, но все еще продолжало усиленно биться. Адреналин не давал расслабиться. Обогнув каменную стену, Макс бросился бежать к следующему укрытию, пригнувшись и стараясь не упускать из виду два черных дота, молчавших до самого последнего момента. Послышались выстрелы. Макс упал на брюхо, застонав от боли, закрывая голову руками и стараясь не подниматься. Воздух завибрировал, земля вокруг начала подсакивать от впивавшихся в нее пуль. Он кричал. Страх накрыл его с головой и теперь никакое самообладание не могло заставить его замолчать. Он кричал до тех пор, пока не понял, что кто-то рядом тянет его в сторону. Лихорадочно перебирая ногами, Макс все же смог на мгновение встать и побежать сломя голову вперед, забыв про пули, про огневые точки, про смерть, что гуляла сейчас рядом с ним. Он просто бежал, забыв обо всем.

Ожил второй пулеметный расчет.

Теперь только вперед! Без оглядки! Страх, владевший им все это время, придал ему сил. Ноги перестали чувствовать боль и усталость. Все внутри напряглось до предела и стало железным.

Глаза выхватывали какие-то отдельные элементы всей картины забега: препятствия, мелькавшие рядом знакомые лица, рассекающие воздух трассирующие снаряды, огонь, снова огонь, детские крики, опять огонь. Кто-то падал и уже не вставал, кому-то везло больше и они, прикрываясь складками местности, пробирались безопасным путем, не попадая под шквальный огонь двух пулеметных расчетов.

Когда Макс пришел в себя, тело ломило от жуткой боли. Он глубоко и часто дышал, жадно хватая воздух большими глотками, стараясь насытить каждую клетку своего организма. Основная часть полосы была позади. Несколько человек подбежали к нему, чуть ли не падая от усталости. Выстрелы не стихали. Отголоски пулеметного лая продолжали доноситься еще некоторое время, не давая отставшим членам группы выйти на безопасную территорию. Их судьба была почти предрешена, если только тот, кто сейчас вел огонь, не решит иначе. Сэм, держась рукой за бок, старался остановить кровотечение. На бледном лице ничего нельзя было разобрать. Грязное, вперемежку с кровью и заплывшим глазом, оно походило на лицо чудовища, выползшего из своего логова на время охоты. Не в силах больше сдерживать, Сэм заплакал. Тем самым, давно забытым многими детским плачем. И хоть каждый смотрел сейчас на него, никто не смел корить мальчугана за слабость. Наверное, так было лучше. Рана оказалась очень серьезной. Кровь хлестала из разорванного бока, струей стекая по руке, а затем падая на землю. Он еле стоял на ногах. Один парень попытался поддержать его, но тот не дал ему сделать это. Выстрелы позади прекратились, а это значило, что больше никто не прибежит. Что из всей группы остались только они. Смуглый паренек, все это время державшийся очень стойко, несмотря на все случившееся, вдруг подошел к Сэму и силой заставил приоткрыть рану.

– Дурно дело, Сэм, – произнес он слабым голосом.

– Сам знаю.

Ноги мальчугана стали подкашиваться. Кровотечение так и не удалось остановить, и вскоре на бледном лице не осталось признаков жизни. Тело медленно опустилось сначала на колени, а после – завалилось на бок.

Оставшиеся в живых, парни оттянули его в сторону, уложив в заросшую травой воронку.

– Когда все закончится, его найдут здесь, – говорил один из выживших. – Нужно двигаться дальше.

Лес был прямо перед глазами. В каких-то пятистах метрах его черная фаланга протяженностью около четырех километров, протянулась от небольшого ручья, пробежавшего вдоль края густой чащи, и до самого карьера, где в давние времена Клан добывал ценную руду. Все остальное была непроходимая чащоба, таившая в себе много неизведанного, в том числе и хищников, живших и охотившихся там круглый год.

Им не раз говорили об этом. Даже проводили экскурсию, когда группа только-только приземлилась на планету-полигон, чтобы начать тренировки, но тогда все это казалось неинтересным, обыденным. Зачем знать о повадках зверей, если вся будущая жизнь и военная карьера пройдет в кабине боевого робота, чье оружие будет способно уничтожить любое незащищенное существо одним лишь выстрелом.

Но теперь все стало несколько иначе.

Клыки зверей казались не такими уж и безобидными, а страх умереть от когтей ночной кошки все больше нарастал внутри него.

– Они наверняка уже там, – сказал один, перебивая мысли Макса и указывая рукой на черную границу леса, – мы слишком долго шли.

– Может не пойдем, – отозвался кто-то другой. – Спрячемся где-нибудь.

Макс посмотрел на него, как и все, кто стоял рядом. Упреки посыпались в сторону говорившего и тот сразу пожалел, что дал волю эмоциям и страху.

– И куда? Обратно к ним, – смуглый паренек посмотрел в сторону черневших дотов. Сейчас они казались умершими, но тот был уверен, стоит им только вернуться и попытаться пройти мимо, как они тут же оживут, выплюнув в сторону каждого беглеца сотню-другую пуль.

– Надо идти, другого варианта у нас просто нет.

Макс сделал шаг первым. За укрытием ему было не по себе, но выйдя из-за него, страх усилился многократно. Осторожный шаг вскоре перерос в бег, а следом – в стремительный бросок, за которым он ничего не чувствовал. Пятьсот метров до леса были самыми долгими и опасными в его жизни. Пустырь, на котором он и его одноклассники оказались во время этой перебежки, был хорошо простреливаемым и если бы кому-то пришло в голову установить огневую точку рядом с этим местом, у них бы не было никакого шанса проскочить живыми. Каждую секунду он ожидал выстрела. Молился, хотя и не умел этого делать, но почему-то верил, что именно это должно помочь ему добраться до границы леса. Оставалась пара сотен. В груди защемило – стало трудно дышать. Огрубевшая одежда, от высохшей и застывшей грязи, резала и терла кожу. Было очень больно и неудобно двигаться. Когда же до первых деревьев остались считанные десятки шагов, Макс ускорился, упав у подножья ствола толстого дерева.

Остальные последовали его примеру. Вблизи лес был очень старым – многовековые деревья, каким-то чудом пережившие колонизацию, а затем и многочисленные бомбежки, скрывали за собой, наверное, последний живой уголок на этой планете. Слух ловил тихий шелест листьев, откуда-то неподалеку появился рык мимо пробегающего зверя. Его зоркие глаза, горевшие красным огнем, то ли от природы, то ли от жажды крови и желания поскорее наброситься на беззащитную жертву, блестели в двадцати метрах от Макса. Два огонька смотрели прямо на него, потом на секунду исчезли и появились уже в стороне, убегая все дальше от появившихся юнцов.

Небо полностью затянуло тучами. Кроваво-алое зарево давно растворилось в черноте наступавшей ночи. Макс посмотрел на остальных одноклассников, лихорадочно стряхивав-

ших со своей одежды засохшую корку из грязи и пыли, и волнуяще поглядывая по сторонам, прислушиваясь к каждому шороху. Грязь откалывалась целыми кусками, почти как цемент, падая на землю и рассыпаясь на мелкие частички. Без нее форма была еще пригодна для будущей битвы, хотя и оказалась изрядно потрепана.

– Нужно идти. – сказал смуглый паренек, выпрямляясь и готовясь пересечь лесную границу.

Макс всегда считал его храбрецом, еще с момента их первого знакомства. Типичное для их возраста хвастовство, было не свойственно этому мальчугану, родившемуся от союза чернокожей женщины и белого воина клана. Где и как это произошло паренек не знал, отец презирал «вольняг», а уж сын такой породы и вовсе был обречен на одиночество. Годы скитаний по помойкам жизни не прошли даром – он всегда чуял беду на расстоянии и был готов к встрече с ней во всеоружии. Вот и сейчас, пригнувшись, он, словно волк, подкрадывался к границе, а потом прыгнул вперед, утонув в зеленых кустарниках, будто бы его и не было здесь.

Наступал последний этап испытаний. Самый важный и самый смертельный. Здесь каждый был сам за себя. Оружие разбрасывалось задолго до начала битвы – в коробках с вертолетов и истребителей. Макс вспомнил как перед началом увидел этих железных птиц, взметнувшихся в небо и совершивших крюк над лесом, после чего ушедших на второй круг. «Наверное, оружие» – подумал он, пересекая символическую границу мертвой и живой земли. Погрузившись в самое сердце природы, в ноздри тут же ударил специфический запах леса. Аромат шишек, заплесневелой коры, сырости вперемежку с какой-то вонью, исходившей откуда-то из глубины леса, все это буйство новых запахов, слившихся в одну большую массу заставили голову закружиться.

Паренек присел на колено, стараясь прийти в себя, потом встряхнул головой и зашагал вперед, стараясь не шуметь, пробиваясь сквозь плотные кустарники и переплетенные ветви деревьев.

Чем глубже он шел, тем тише становилось вокруг. Однотруппники пропали из виду. Голоса утонули вместе с последними остатками шума, доносившимися оттуда, с другой стороны леса. Он остался один, с самим собой, вооруженный только природным слухом, не раз выручавшим его в трудные минуты. Если кто шевельнется – он обязательно услышит его, каким бы тихим не был неприятель.

Еще несколько десятков метров вперед прошли в крошечной темноте и полной, почти кладбищенской тишине. Молчали даже животные, хотя Максиму было известно о их присутствии в лесу.

В какой-то момент он остановился. Силы уходили быстрее, чем он думал. Но куда идти дальше? Кругом все одинаковое, похожее на то, что было. Лес не менялся, не было ориентиров, хотя инструктор говорил, что их можно найти и по ним добраться до самого центра. Попадались лишь коряги и поваленные ветром деревья, препятствовавшие продвижению вперед. Передохнув с минуту, Макс сделал шаг и тут же упал, споткнувшись о что-то мягкое. Из-за темноты разглядеть полусгнивший ствол не представлялось возможным. Поднявшись, он со злостью ударил по ней и тут же замер. Из чьих-то легких вырвался едва слышимый стон. Паренек остановился, напряг мышцы тела и присел, стараясь спрятаться за высоким кустарником, но в тоже время быть готовым броситься на своего противника.

Но ничего не произошло. Стон не повторился и тишина опять наполнила пространство вокруг. Макс приблизился к странному препятствию, оцупал руками и только сейчас осознал, что это был какой-то человек. Он все еще дышал, хотя пульс на запястье едва прощупывался, а на груди было мокро от свернувшейся крови. Потом дыхание остановилось. Сердце замерло в груди и больше никаких признаков жизни он не смог обнаружить.

Кто это был? Один из его группы или быть может парни Малковича? В темноте он так и не смог разглядеть лица, хотя черты и общие габариты указывали на кого-то их тех, кто был

с ним рядом до недавнего времени. Потом нащупал кобуру, вытащил пистолет, прихватив с собой два запасных магазина и медленно, очень осторожно поднялся на ноги.

Где-то вдалеке слышались приглушенные хлопки. Три выстрела доносились откуда-то со стороны. Макс машинально посмотрел в предполагаемое место схватки – наверняка там идет бой. Двое, а может и больше человек сцепились в последней битве за право стать пилотом боевого меха. Он мог бы пойти на выстрелы, дожидаться, когда останется один и нанести удар по ничему не подозревающему противнику, уже поверившему в свою победу. Наверное, так и стоило поступить; несколько секунд он колебался, перекидывая пистолет с одной руки на другую, размышляя, но спустя минуту раздумий, все же решил обойти место стычки и продолжить идти дальше.

Путь не был простым. Под ногами хлюпала вода, болото или что-то очень похожее на это, простиралось прямо перед ним. Макс сделал шаг вперед – нога прилично утонула, облипнув какой-то дрянью. Хода дальше не было. Сбоку появилось несколько животных. Вытянутые тела существ, почуяв добычу, огибали нависшие почти до самой земли ветви вековых деревьев, пробираясь все ближе к нему. Их глаза горели огнем, уставившись на жертву, при этом нисколько не страшась возможного отпора. Парень снял пистолет с предохранителя и направил ствол на приближающегося хищника. Второе существо замерло, едва завидев пистолет. Казалось, ну вот, это должно было сработать и через мгновение они развернуться и уйдут прочь, но стоило ему только подумать об этом, как сбоку, из высокого кустарника, закрывавшего весь обзор с правой стороны, вылетела тень, раскинув лапы в стороны, готовясь прижать жертву своими когтями к земле.

Макс среагировал, но очень поздно. Острые как бритва когти разорвали одежду на спине, выпустив кровь из образовавшихся ран. Боль и крик слились в едином возгласе. Теперь можно было не прятаться, все равно его уже обнаружили, раз хищники смогли окружить отколовшегося от общей группы парня. Выстрелы звучали очень быстро. Макс стрелял во все, что мало-мальски напоминало выпрыгнувшее существо. Где-то пули уходили в куст, где-то, огненными сверчками улетали в небо, но все безрезультатно. Опустевший магазин, дымясь, упал ему под ноги. Лихорадочно, он рылся в своем кармане, пытаясь нащупать припрятанный запасной магазин и был уже готов зарядить его в пистолет, как сбоку, с другой стороны, выпрыгнуло существо. На этот раз атака удалась. Он рухнул на землю, выронив пистолет из рук и пытаясь из последних сил отбиться от хищника, ударял кулаками по разинутой пасти, готовой вцепиться ему в лицо в любую секунду. Иногда ему удавалось хорошенько приложиться и в ту же секунду атака животного замедлялась. Но стоило этому произойти, как рядом появлялось другое существо. Дележка еще живой жертвы началась практически сразу. К двух хищникам вскоре присоединился и третий. Они бились за него, как будто судьба его была уже предрешена, но сам паренек так не думал. Нащупав в последний момент на земле выпавший из рук пистолет, он сжал его своими ладонями и произвел несколько точных выстрелов в двух первых хищников, стоявших перед ним в каких-то десяти метрах. Черные фигуры задрожали. В воздухе появился жалобный писк. Разбежавшись в стороны, они скрылись в густой чаще, оставив после себя блестящую даже во тьме кровь, но Макса это не успокоило, и он еще несколько минут ждал новой атаки, напряженно вглядываясь в чернеющую листву плотных кустарников.

«Ну давай», – думал паренек, осторожно ступая на топкую почву. Несколько десятков метров он так и прошел, осторожно оглядываясь по сторонам. Затем, когда под ногами почувствовалась твердая поверхность, быстрым шагом двинулся к предполагаемому центру. Во время нападения он потерял точное направление. Все вокруг казалось очень похожим, одинаковым. Деревья переплетались между собой, кустарники и болотистая трава поднимались почти до пояса, скрывая дорогу. Сейчас Макс шел исключительно наобум, надеясь, что ему повезет встретить кого-нибудь из своих или услышать движение.

Наконец он добрался до открытой опушки. Вокруг лежало оружие и несколько трупов. Двух он опознал сразу. Их тела были изрешечены и напоминали сито. Кровь выплеснулась наружу и запеклась, как будто на горячей сковородке. Кругом валялись гильзы, магазины, опустевшие патронташи и пулеметные ленты. Бой прошел совсем недавно и несмотря на масштабность и длительность (на что указывало количество израсходованных боеприпасов) Макс ничего не услышал.

Это наводило на странные мысли: в воздухе еще висел запах пороха, а значит те, кто ушел отсюда живыми, могут оказаться в небезопасном от него расстоянии. А что можно противопоставить его пистолет хорошей винтовке или автомату? Конечно ничего. И Макс понимал это, обойдя злополучное место по краю, подобрав из рук мертвого мальчишки все еще теплый автомат.

В магазине было не меньше двадцати патронов. Лазерного заряда не имелось, да и нужен ли он, когда вокруг тьма-тьмущая от которой невозможно разглядеть даже крысу в шаге от себя.

Преодолев еще около сорока метров, как ему казалось на север, он остановился у высокого дерева, услышав впереди движение. Кто-то стоял неподалеку от него, перезаряжая оружие и бормоча что-то себе под нос. Макс прислушался, потом осторожно подкрался ближе, стараясь не шуметь, и только сейчас увидел в полный рост своего оппонента.

Это был рослый, очень крупный, не по возрасту массивный, парень, с толстыми кулаками и широкой спиной. Сжимая в руках винтовку, он осматривался по сторонам, как будто ожидая нападения.

Макс ждал. Открытая схватка могла закончиться не в его пользу. Немного приподняв автомат, он улегся на почву, подложив по руку свободный локоть, и стал прицеливаться. Громила не двигался, держась за приклад винтовки, потом начал подниматься. В эту самую секунду, когда Макс был уже готов нажать на спусковой крючок и покончить с противником, чья-то пуля опередила замысел парнишки, раскрошив голову незнакомца на несколько частей.

За выстрелом наступила тишина.

Через несколько секунд из-за пригорка вышли двое человек. Обыскав тело и забрав все ценное, они молча удалились в свою лежанку, где видимо поджидали незадачливых мальчишек все это время. Оба взрослых мужчины были хорошо вооружены и сидели в специально оборудованном месте, замаскированным сеткой, издавдалека сливавшимся с местностью. Ночь только играла им на пользу, и уже спустя десять секунд, Макс перестал различать во всей черноте лесной чащи этот замаскированный пункт от прочего пейзажа.

Обойти все это незамеченным не представлялось возможным. Ждать тоже был не вариант, поэтому паренек не нашел ничего другого, как постараться уничтожить этих людей, выманив каждого по одному. Проблема была только в том, что выстрел никак нельзя будет спрятать. И после первого, его позиция будет раскрыта.

Но других вариантов просто не существовало.

Макс лежал неподвижно еще несколько минут, обдумывая план действий. Ладони вспотели – стало трудно удерживать тяжелый автомат в своих руках. Почва, твердая до этого момента, от сырости местного воздуха стала влажной. Живот, грудь, ноги, все это уже не было сухим. Нужно было встать и поменять позицию, но стоило ему слегка подняться, как треск веток и шум кустарника рядом, предательски шелестевшего от самых осторожных движений, привлекали к его месту ненужное внимание.

Макс видел, как в лежанке засуетились люди. Как поднялся один из них во весь рост, направляя взгляд в его сторону. Потом, взяв оружие в руки, вылез наружу и зашагал к нему. Теперь обнаружение стало лишь вопросом времени. Через несколько секунд, если он только не предпримет кардинальные шаги, его обнаружат, и прощай заветная мечта. Выжить должен кто-то один – такое было правило. И решение предстояло принять очень быстро.

Мужчина шагал к нему очень быстро, без страха. Каждый шаг приближал кончину мальчугана и в последний момент, когда между ним и незнакомцем осталось всего несколько метров, автомат в руках Макса затрещал как сумасшедший.

Бронежилет не выдержал. Искры, вылетавшие при соприкосновении пули и броневых листов ферро-керамической прослойки, фонтаном разлетелись в стороны. Тело трясло всего несколько секунд, но этого было достаточно, чтобы после всего, когда последние гильзы выстрелили на землю, противник рухнул одновременно с ними, распластавшись в двух метрах от мальчишки.

Сердце жутко билось. Ладони пронзила боль, а уши заложило от грохота автоматной очереди.

Дальше все было как будто во сне.

Он стрелял. Поднялся на ноги и куда-то побежал. Прочь. Как можно дальше от всего случившегося. Дальше в лес, вглубь этой проклятой чащобы. Там у него есть шанс выжить, спрятаться от преследователей.

Воздух разрезали пролетающие пули. Огонь вели уже несколько человек и интенсивность с каждой секундой нарастала. Патронов не жалели.

В какой-то момент все стало стихать. В душе появилась надежда, что ему удалось оторваться от преследователей, но тут же по лицу что-то прилетело. Все в глазах перевернулось. Небо оказалось на земле, а земля, вместе с деревьями взметнулась на верх, поменявшись местами со звездами. Щека зажглась огнем боли, растекшимся по ней с невероятной силой и остротой. Кто-то схватил его за грудь, поднял на ноги и врезал чем-то очень плотным прямо в бок. Хруст костей томным звуком отразился в его голосе истошным криком. Удар. Блок. Потом снова удар. Руки работали несмотря на боль, несмотря на усталость. Противник не останавливался и напирал с невероятной силой и мощью, прижимая мальчугана к стволу дерева. Еще минута и Макс бы сдался, опустив руки и плюя на свое желание оказаться первым. Но что-то внутри не дало ему сделать это. Вывернувшись у векового дуба, он оказался за спиной противника, проворонившего маневр и уже в следующую секунду пытавшегося сорвать со своей шеи, сомкнувшиеся в мертвой хватке руки. Он трепыхался, бил его локтями по сломанным ребрам, но все безуспешно. Хватка не ослабла, скорее наоборот – она стала железной, такой, что последние секунды жизни противник уже не смог ничего сделать.

Он упал, окончательно перестав дышать и сопротивляться.

4.

– Я слышал про совет, Виктор. Дело дрянь, ведь так?

– Да. Приятного мало.

Капитан закурил, опустив тлевшую спичку в стакан с водой, и встал с кровати. Он уже несколько лет ночевал в этом месте, совершенно позабыв про собственную комнату со всеми удобствами, находившуюся в отдельном двухэтажном здании неподалеку от полигона, где жили все инструкторы клана на момент обучения новоприбывших групп. Ему не нравилась обстановка в этой «бетонной коробке», где люди давно перестали видеть в нем равного, предпочитая считать травмированным психом, чья жизнь должна была закончиться очень давно, в объятном пламенем «Громовержце», но волею судьбы продлилась до сегодняшнего дня. Был только один человек – Влад, с которым ему все еще хотелось перекинуться парочкой фраз, да обсудить последние новости о далеких сражениях.

Планета-полигон находилась в глубоком тылу территории клана. Практически на «заднем дворе», как любил выражаться его друг и товарищ Владимир, посему очень многие детали битв доходили с сильным опозданием, отчего о победах и поражениях в этом месте узнавали спустя недели, а то и больше. Тем не менее это было хоть что-то, ставшее для него свежим глотком воздуха в тыловой тошноте, претившей ему с самого начала работы инструктором.

Он не был им, никогда, но старался притворяться, в угоду широколобым штабным офицерам, считавшим, что любой, кто мало-мальски повидал огонь и ощутил ударный импульс лазера на броневых листах своей машины, просто обязан был выучить и воспитать себе приемников. Новое поколение пилотов, воплотивших и впитавших в себе все самое лучшее от старших инструкторов.

– Как давно он лежит в медблоке? – спросил Влад.

– Уже две недели.

– И что ты решил?

Виктор глубоко затянулся, сдавив сигарету с такой силой, что бумага вокруг табака смялась, словно кожа старухи.

– Я продолжу обучение.

– А смысл? Набор сформирован, списки отправлены, он не получит в управление меха, как бы того не хотел.

– Это правда, но война не закончится завтра, а люди имеют свойство погибать на ней. Рано или поздно потребуется подкрепление и тут он получит свой шанс. Тебе ли не знать это.

Влад согласился. Кое-что из своей жизни он мог сравнить с ситуацией вокруг единственного выжившего из группы Виктора. Но то был он, сильный, ловкий, не раз проявивший себя в бою как на земле, так и в воздухе, управляя «Визиготом». Разве может этот мальчишка сравниться с ним, с Владом, командиром некогда легендарного воздушного звена.

– Я раньше за тобой такого не наблюдал, старик.

– О чем ты? – Виктор повернулся к нему.

– Ты здесь уже столько лет. Через тебя прошло не менее полутысячи мальчишек, самых разных. И никогда ты не горел таким желанием во что бы то ни стало вытащить мальчугана в пилоты. И было бы кого. Я разговаривал с врачом – он разделяет мое мнение. Этот парень, даже если ты вложишь в него всю душу, не станет великим пилотом. Он угробит себя, машину и всю свою группу.

– Оставь это мне, Влад. Я как-нибудь сам разберусь.

– Несомненно.

Они оба замолчали, каждый думая над тем, что было сказано. Виктор был зол на себя, на обстоятельства, на свой возраст, отбиравший у него все силы и притупляя остроту интуиции. Все равно, несмотря на критику своего друга и товарища, боевой офицер верил, что сможет выточить из этой бесформенной болванки крепкую деталь.

Сигарета погасла – последние остатки синеватого дыма осели в легких и через мгновение выпорхнули густым серым облаком прямо на стекло. Завитки ядовитого тумана еще долго скользили по идеально ровной поверхности окна, пока окончательно не рассеялись в кабинетном воздухе, смешавшись с ароматом дешевых духов, коими пользовался по старой привычке Владимир.

– Есть что сказать по убитым солдатам в лесу? Мне было известно только о дотах вдоль полосы препятствий. Как эти двое оказались на пути у детей?

Влад пожал плечами, хотя знал ответ на вопрос капитана. Видя настороженный взгляд своего друга, он вскоре сдался, решив рассказать все, что ему было известно.

– Это было условие Малковича.

– Зачем? – недоумевал Виктор, – ему мало тех препятствий, что были?

– Не знаю. Может да, а может и нет. Но он за два дня до начала контрольного испытания консультировался с высшими офицерами, и они дали добро.

– Бред какой-то. Почему меня не ввели в курс дела?

– Наверное, так и было задумано.

Затем Владимир поднялся со своего места и подошел к Виктору.

– Тебя здесь не любят, старик.

– Мне все равно.

– А вот им – нет.

– И что с того?

– Нужен повод, Виктор, неужели ты этого не понимаешь. Ты как кость в горле у остальных инструкторов. «Великий», «один из последних», «соколиная стая». Это же клеймо на всю жизнь. Ты воевал бок о бок с теми, кого наш клан издавна считает врагами. Если бы не бой под Шоггурдом, не Нафрин, не шесть уничтоженных «Лиходеев» и один «Каратель» тебя бы уже давно списали в утиль, а твой генный материал уничтожили, как «запятнанный». Они взялись за тебя и уже не отпустят.

– Может быть, но мои дела на полигоне еще не закончены.

Виктор вернулся за стол и связался с медблоком. Подходило время отчета, а док до сих пор молчал. Такое отношение выводило его из себя. «Все должно быть вовремя» – твердил он себе, глядя на голографический экран, где вскоре должно было появиться лицо доктора.

– Простите, капитан. Заработался.

Виктор сдержался, хотя внутри все кипело и хотелось сорваться криками на этого худого, вытянутого, как богомол, врача.

– Докладывайте.

– Наш мальчуган идет на поправку.

– Когда я смогу начать с ним тренировки?

– Через несколько дней.

– Точнее.

– Три... хотя нет... четыре дня. Это точно. Но все же...

– Что еще?

– Не торопите меня, капитан. Парню здорово досталось. Организм молодой – все заживает как на собаке, но нужно делать поправку на его возраст и...

– Жду вашего отчета через четыре часа.

Виктор отключил связь и потянулся за сигаретой.

Наблюдавший за всем этим Влад лишь развел руками, когда капитан заговорил с ним об этом парне.

– Ты уверен в том, что ты делаешь?

Он много думал над этим. Еще с того момента, когда ему сообщили о гибели всей группы и возвращении всего одного мальчишки из черного леса, Виктор понимал, что это будет последним гвоздем в крышке гроба его карьеры.

Вечером того же дня, капитана вызвали на разговор с высшим офицером Кураевым, восседавшим в том самом совете, где ему собственно и объявили о начале конца. В просторном помещении, оборудованном для приема особо важных гостей, его не встретили солдаты, не было охраны и караула. Все просто и очень обыденно.

Внутри он встретил только его. Пожилой офицер, с облысевшей, но все еще имевшей некоторую растительность на своей голове, холодно поприветствовал боевого офицера, повернувшись и протянув ладонь для рукопожатия.

– К чему такая спешка? – спросил Виктор, снимая свои черные очки; в помещении горел приглушенный свет и надобности в них не было.

– Спешка? Все просто, Виктор – решение по твоей демобилизации принято единогласно.

– Как? Уже?

Кураев покачал головой.

– Совет экстренно созвали еще вчера. Голосование было тайным.

Виктор продолжал стоять неподвижно на своем месте, сохраняя ледяное спокойствие.

– Это было закономерно, Виктор.

– Вы тоже проголосовали «за»?

Кураев ответил не сразу.

– Да, – он очень быстро закивал, как будто все это время сдерживал нарастающие мышечные сокращения в своей шее. – А что я мог сделать? В какой-то степени мы все понимаем, что время безжалостно к нам и рано или поздно каждый из нас отправится в утиль. Никто не хочет этого, но твой ресурс, старина, выработан. Это четко прослеживается по результатам контрольных испытаний.

– Значит все. Это окончательно?

– Да. Конечно, ты можешь подать апелляцию, но это только оттянет время. Заслуги не могут вечно работать за тебя и я со стопроцентной уверенностью могу сказать, что решение совет не поменяет.

– Тогда верните меня в ряды боевых соединений. Я готов пилотировать любой кусок металлолома...

– Послушай меня, Виктор.

Кураев подошел к офицеру и по-отцовски положил ему руку на плечо.

– Я тебя прекрасно понимаю. Понимаю твое разочарование всем произошедшим и таким незавидным исходом, но... но черт возьми я не могу один идти против всех. Клан – это наша семья. Это наш дом. Это все, что осталось у горстки выживших, когда вокруг бушует непрекращающаяся война. Ты уже внес свое имя в историю Клана, но... проклятье, – Кураев развернулся и отошел в сторону, – я не могу сказать эти слова.

– Я стал бесполезен? – спросил Виктор, уже зная ответ.

Высший офицер согласно кивнул.

– Совет проанализировал результаты твоих тренировок и пришел к неутешительным выводам – потери слишком велики. Это тенденция прослеживается только у тебя. Я пытался объяснить им, что все это временно и в конце концов ты раскроешь потенциал будущих пилотов. Однако другие члены совета были со мной не согласны.

– И что теперь?

Кураев сел на одно из пустующих кресел вокруг эллипсоидного стола и посмотрел в самый центр, где кружилась вокруг своей оси виртуальная трехмерная модель планеты-полигона.

– Программу по обучению вольнорожденных закрывают на следующей неделе. Новые группы будут полностью формироваться из детей, выращенных путем совмещения генов из священного пула. Их эффективность, в сравнении с «вольнягами» доказана давно. Почему ты думаешь остальные Клановы ведут набор и обучение только из них, оставляя обслуживание мехов таким как мы?

Его последние слова звучали очень пренебрежительно, хотя сам он был таким же простым человеком, зачатый и попавший в этот мир естественным путем. Наверное, он тоже считал, что участь Виктора скоро постигнет и его, и морально готовил себя к этому.

– Совет не хочет терять такой ценный материал. Они боятся, что если группа таких детей попадет к тебе в руки, то от них никого не останется. Рисковать никто не будет, Виктор. Хорошие пилоты на вес золота, а такие небоевые потери просто недопустимы для Клана.

– Значит, воины из пробирок скоро встанут на наши места...

– Это сегодняшняя реальность, старик. Все Клановы давно поняли это. Мы плетемся позади только потому, что получили в свое распоряжение самые густонаселенные планеты. Командование решило, что нет никакого смысла в евгенической программе, если кругом бегают сотни тысяч готовых бойцов. Правда, они тогда не понимали, что один вернорожденный, с идеально подобранными генами лучших бойцов прошлого, стоит сотни, а может и тысячи простых голодранцев, воплощавших в себе беспорядочный набор генов случайных людей. Сильные, ловкие, умные. Хочешь получить идеального, исполнительного, лишнего ненужных эмоций бойца,

готового идти на смерть и не думать об этом – никаких проблем, евгеническая программа даст таких.

– Ну а мы? – Виктор посмотрел на своего собеседника, подсаживаясь на соседнее кресло. – Мы то что? На свалку истории?

– Мы сделали свое дело. Клан получил от нас то, что хотел, мы – то, что хотели от Клана. У нас стая, Виктор. Клан Ворона не зря несет это почетное имя, ведь именно в единстве наша сила. Один соклановец ничто, по сравнению с тучей. Мы все несем в одно гнездо, выращивая и поднимая на крыло наших детей. Без новых воинов, без силы, которую даст им евгеника, нас не станет. Растопчут. Вырвут крылья и оставят подыхать, даже не посмотрев напоследок.

– Выходит, ты разделяешь все это?

– Я не могу не разделять, Виктор. – офицер закурил сигарету, выпустив наружу плотное облако табачного дыма. – Личное всегда отходит на второй план, когда на кону стоит судьба всего Клана. Это не я придумал и тебе прекрасно известно. Мы выжили только благодаря тому, что все вместе шли напролом, преодолевая невзгоды и трудности, выпавшие на пути становления Клана. Подумай сам, были бы мы сейчас живы, если бы каждый пытался идти своим путем? Конечно нет. В этом и есть залог нашего выживания – вместе. «В едином полете, в единой стае»

Он процитировал девиз всего клана, вытянув из сигареты почти половину содержимого и проглотив все это в свои легкие. Затем, откинувшись на спинку кресла и устало выпустил сероватую дымку из ноздрей. Виктор понимал его. Эти слова... этот девиз были не просто набором букв. Это была судьба. Жизни каждого ворона проходили под лозунгом единой стаи. Они побеждали стаей, выживали стаей. Они всегда и все делали вместе, посему смогли выжить в упорной борьбе за собственное существование. В конце концов, кто он такой, чтобы менять фундаментальные понятия и принципы клана? Всего лишь боевой офицер, коих в Клане хватало, поэтому Виктор не стал спорить и заговорил о парне в медблоке.

– Что будет с ним?

Кураев пожал плечами.

– Отправим на обучение – через три месяца станет механиком. На передовой сейчас очень жарко. Говорят, машины с поле боя выходят едва не разваливаясь по частям. Там ему будет чем заняться.

– А я?

– Что, «ты»?

– Во время совета мне сказали, что вопрос о внесении моих личных генов в священный пул так же будет рассмотрен.

– Этого я не знаю. Скорее всего будет отдельная комиссия. В основном врачи, исследователи генетики и прочие. Все они начнут рассматривать твой генетический материал и личное дело под микроскопом. Тебе есть чем похвастаться, не спорю, но и есть что скрывать.

– Я был направлен на ту операцию командованием и мои контакты с пилотами другого Клана не являлись моей прихотью, если ты об этом.

– Это уже никого не волнует – важен сам факт. Как только они увидят эту запись в твоём личном деле, прошение о внесении генов в священный пул будет отклонено без права на обжалование. Сейчас с этим строго.

Виктор глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться после всего услышанного, но разочарование читалось на его лице, как бы он того не хотел. Кураев видел это, но молчал – что он мог сказать в такую минуту человеку, посвятившему всю свою жизнь служению Клану и готовившемуся к вхождению в группу лучших, но оставшемуся за бортом истории.

– Все зря. – тихо произнес Виктор.

– Не зря, – отрицательно качал головой Кураев, – ничего не зря! Брось мне это!

Высший офицер вскочил со своего места, выплюнув на ходу тлевшую в губах сигарету, и начав ходить по огромному помещению, словно загнанный в клетку лев.

– Я этого не слышал, – указал он вытянутым пальцем на капитана, – многое из того, что мы хотели так и не сбылось. У нас у всех была целая жизнь, чтобы доказать Клану достойны ли мы попасть в священный пул. У тебя, у меня, у всех нас, кто сейчас догнивает в этой дыре, пытаюсь напоследок принести пользу всей нашей стае. И если нас до сих пор не почитают, как богов, значит мы что-то не успели. Сделали не так как надо было. Не пошли на риск, не проявили себя. Что толку винить свое личное дело, если в нем нет записи «герой».

– Тебе легко говорить. Ты никогда не хотел того же, что и я.

– Нет, Виктор. Мне как раз таки говорить очень трудно. У меня за плечами шестьдесят лет жизни, из которых сорок – в строю. Я видел, как умирали пилоты, своей жизнью и смертью доказавшие всем, что достойны быть увековечены в будущих поколениях. Они, соль этой сраной земли, уходили в небытие, потому что какой-то яйцеголовый находил в их генах что-то не то: какой-то врожденный дефект, генетическую несовместимость, физические недуги и многое другое. Ты хочешь сказать они тоже прожили жизнь зря? Нет, жизнь их была ненеправильной. Благодаря им, мы сейчас имеем все это, а не валяемся истлевшим трупом на задворках Вселенной. Священный пул – это Олимп, не каждому дано туда попасть.

5.

«Новая жизнь – старый мир.

Крик ворона заставил открыть глаза и посмотреть перед собой. Черный лес сплошной стеной надвигался на него. Шел фалангой оскалившихся копытами солдат, чтобы у самых ног, когда гибель была уже неминуема, остановиться. Им не было числа, невозможно было даже примерно сказать какое войско стояло сейчас перед ним, какие силы заставили его, как и эти деревья, пробудиться от вечного сна и подняться над мертвой землей, стряхивая с плеч налипшую грязь.

– Кто вы? – спросил он пустоту, не сводя глаз с леса. – Зачем вы здесь?

Ответа не было. Лишь шум еще висевших на ветках листьев дал понять рыцарю, что он здесь не один. Что есть еще живые существа помимо него, пусть не имевшие возможности говорить, выразить свои мысли привычным для всех живых людей образом, что-то внутри подсказывало ему, что весь этот лес, эти многовековые деревья не хуже его самого понимают человеческую речь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.